

Отар Кушанашвили:

«На-на» в Македонии — гости из будущего

Как «МАКФЕСТ-94» рассмешил Андрея Мисина (почти побасенка)

Веч календ. - 1994. - 20 окт. - с. 5.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОВЕТРИВАЕТ НУЖНИКИ (ВСЕ). Претит ему свечность и квалость в поведении, низкий КПД мозговых аппаратов, супердядство херты нэла, неразумение ценности стопки водки и тщательного студирования дурацких брошюр эпохи кустисто-бровастых кормчих, отсутствие тороения в оловянных очах артбродяг и тяги одинокой прогулки в малойисследованных окрестностях очередной гостиницы.

По кайфу ему любая ироническая аранжировка, пестрота, бьющая в глаз, любой парадоксализм, приправленный матом, и всякая философская хреновина типа айттезы «Любовь-Память», одобренная исполнением гнусавейшим — для пущего издевательства над очевидцами марзматиического соло — голосом тюремного фольклора, он кайфует над собственной якоры уозостью, полагая, что с его титанически-хитрющим организмом удастся сыграть в органичность, кайфует от постоянного уменьшения количества модальностей в своей речи, бесконечно в претензии к своим подопечным, но у претензии есть точные границы: делать так, как он велит, или делать вид, черт подери, что делают вид, будто все происходит по его, бариному, слову, зуд амбиций в данном случае тоже разбивает черепную коробку, и он кайфует от зуда: это допинг, в семь утра, хряхтя и матом сыпля, пробуждаешься, глотаешь допинг и принимаешься за дело нанайское.

Зовут его БАРИ АЛИБАСОВ, и я лично в Македонию поехал, чтобы за ним понаблюдать, чтоб доинмать его распросами: как он умудрился наладить нанайский конвейер — вот на эту тему. (Можно почувствовать, СКОЛЬКО всего за этим общим вопросом).

При этом я отказывался принимать из рук вождя нанайского пролетариата ревниво рекламируемую им в самолете казахстанскую колбаску: после того, как он — помните? — скормил нам в Витебске эрзац экскрементов, нет Каримычу веры. (Голод оказался пуше принципов, но и колбаска была натуральная, что удивляет: не воняла, не взорвалась в руках, не сказалась набитой фольгой).

Бари начал рассказывать про Нью-Йорк, где банда вставила фитиль кой-кому. Под аккомпанемент эмоциональных пассажей мы летели в Македонию.

МЫ СИДЕЛИ. ГУБИЛИ РОМ. Кафе американское называется так, что дух у сведущих перехватывает, — Hard Rock Cafe. Прибежище, блин, святых. Мекка тех, кто по-хорошему спянул на почве семи нот. Здесь были пролиты гекалитры слез, здесь духи гениев витают. Сюда приехала «На-На» — я намеренно сделал столь резкий переход, чтоб не дать поднять себя заурядному повествовательному тону, невзрачному. Что было бы тугой неправдой, потому как вкупе с другой «гиеной пера» АНТОНОМ ПОМЕЩИКОВЫМ («АиФ», InterMedia), мы наблюдали то, что характеризуется редко употребляемым (нужды нет) понятием фурур.

Зажигательность нанайцев, помноженная на редкостную отшлифованность шоу, была предпосылкой для заведомой виктории. Но, казалось мне, скептику природному, не до такой же степени, чтоб зал визжал от восторга.

Зал визжал.

Говорят, эта реакция в точности повторила ту, что была несколько времени прежде в Нью-Йорке, на презентации «Овации», после чего по милости абсолютно не приспособленных к масс-медийной жизни адептов «Овации» не было НИКАКОГО РЕЗОНАНСА, а полагать резонансом четыре строчки ввиду историчности случившегося я отказываюсь.

ВПЕРВЫЕ РУССКАЯ ГРУППА ВЫСТУПАЛА В HARD ROCK CAFE. Даже безотносительно к исходу выступления это — анналы. А уж зная, чего нанайцы там вытворяли, заведя зал до нехилого градуса, — во всяком

другом, географически, шоу-бизнесе стон бы стоял патриотический до сего момента и еще лет пятьдесят (световых), но у нас даже тупость своя, особым тавром помеченная.

Бари только делает вид, что воспринимает триумф как должное. Всякий концерт — это грань сердешных пароксизмов, это отсутствие сна и убывающее количество нервных клеток (конечно, мне скажут, что сие явление дюжинное, но в данном случае оно особенно показательное). И в Македонии его трясло; он пробрался в зал, по-моему, на верхохоту, но молчаливо глазел на гудящий, улюлюкающий, орущий, свистящий зал до самого исхода и лишь по выходе расплылся в улыбку, присовокупив, что измотан и желает завалиться в постель.

МЕНТОР. Алибасов разом успевает заказать официанту обед, упот-

ребляя космополитическое «ням-ням», мне запретить щеголять словом «благодарный» (однообразие лексики наводит на мысль об авторской узости), рассказать, какого наглого — ПУДОВКИНА СЕРГЕЯ — ученика он взлелеял, не заметив, как ученик побил все рекорды охальности и оседлал учителя; поделиться своим видением шоу-бизнесовой ситуации в Рашен, впечатлениями о новых статьях и новых книгах, обматюгать кой-кого, дать совет по технологии секса, отпустить колкость в адрес проходящего Чукоткина (Политов), поохать, как оно было в Нью-Йорке, открыть секрет вездесущести своей.

БЮРО ОРТОДОКСОВ. Ристалище проходило в городке ШТИП (напомню или оговорю; что нанайцы в данном случае выступали как суперзвезды, нашедшие окошко в своем жестком расписании), и я вам доложу, что местности, более любящей незамысловатые до снотворности мотивчики, мне видеть не случалось. (Отсюда, собственно, заголовок. — О.К.). Македонских артистов оказалось туча тучей, и все в ранге звезд. Но музыка! Но аранжировки! Но поведение на сцене! Какая-нибудь «Песня-55». Доминанта всех выступлений — три слова о любви в статике с рукой, держащейся на сердце. Формула нафталина в дей-

ствии. Такое ощущение, что листаешь журнал «Огонек» двадцатилетней давности. В зале не сказать пасмурно, но скучно.

Однако и утверждать, что были большие ножницы между теми, кто представлял туземное искусство, и теми, кто прибыл оспаривать цацки, — было бы неправдой: полный атас — так это по-моему называется. (MTV — в этих странах, наверное, демонстрируется выборочно).

АНДРЕЙ МИСИН чемпион по коммуникабельности. О нем можно писать в самых теплых тонах, поскольку тут ум тесно сплетен с душевностью, а от таких симбиозов мы успели отвыкнуть было. Именно Мисин представлял русскую музыку в этом синклите странных артистов (не все имеются в виду, конечно). Даже его ироничная рефлексивность на базе просмотренных репетиций не помогла ему предположить, какой буфонной обернется финал (хотя какой финал: оценивалась ПЕСНЯ, но не ПЕРСОНАЛИЯ: спел — проваливай и жди итога голосования; голосование тоже было отдельной серией «оперы»).

Финал был такой: Мисина захихнули в последний эшелон, хотя было очевидно, что это самый профессиональный участник смешного соревнования. Верх взяли дуэт из мешковатого малого и причудливой дамы, которую я запомнил потому, что на репетиции нанайцев она так тарашилась на действо, будто впервые увидела настоящих артистов.

СМУТА. Совершенно необходимо — хотя бы и в мозаичной форме — подверстать в наш треп несколько многоговорящих деталей.

Бари Алибасов полагает, что на альбоме возрожденного ШАТУНОВА — печать яркой индивидуальности.

Андрей Мисин не согласен с восторгами по поводу АЛЕНА СВИРИДОВОЙ: он утверждает, что самобытность тут с натяжкой, а уж если говорить о А.С. в разрезе такого имени, как ИННА ЖЕЛАННАЯ, — обыкновенная поп-сингерша Алена вообще имя сомнительное.

В «МАКФЕСТЕ-94» (таково легитимное прозвание фестиваля) приняла участие ЛИЛИ ИВАНОВА, некогда первая любимица советского народа. (Бари Алибасов и руководитель нашей делегации ИВАН НЕСВИТ — помните «Славянский базар»? — долго спорили, сколько ей натикало, и спор затормозил, как помню, на седьмом десятке).

Помню, как СТОЯН ТРОИЦКИЙ, обаятельнейший директор фестиваля, уговаривал стропитивого «начальника нанайской камчатки» выступить «фул плейбэкк» — под полную фанеру, и как долго отнекивался Бари, чертыхаясь насчет халтуры. Но после уговорили. Надеюсь, в комментарии нет смысла?

Да, есть личный самолет. В такие дали не летают, поскольку документация нет, позволяющей это делать.

ГЕРАНЬ НА ОКНЕ. Дословно записал за Бари очередного претендента в крылатость фразу: «Мне неинтересно то, что уже МОЖНО». Произнесена она была за чашей винной, за беседой длинной и сразу обрела вес мудрости.

МАРШ ВЫСОКОЙ ЛЕСТНИЦЫ. Провели три дня очень хорошо. Сколько я пронохал, это были единственные три дня с одним концертом, которые были у «На-На». Три дня помогли объяснить теорию, по которой сам Бари и его детище обладают лечебными свойствами.

Египетский труд — единственно возможное условие чистоты дыхания. «На-На» — самый выразительный иллюстративный аргумент в этом смысле.

Македонцы об этом не думали, они просто выражали восторг. Для них, затюканных политколлизиями, искусство в любом проявлении — это освещение дороги к лучшей жизни.